

DOI: 10.31857/S013038640018290-7

© 2022 г. **А.В. Гордон**

АНТИНОМИИ АКАДЕМИКА ТАРЛЕ

Рец. на книгу: Е.В. Тарле. РОССИЯ И ЗАПАД: ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО И ЗАБЫТОГО / сост., подгот. к печати, вступ. статья и коммент. Б.С. Кагановича. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 528 с.

Гордон Александр Владимирович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus ID: 57193746873

A.V. Gordon

ANTINOMIES OF THE ACADEMICIAN TARLE

Rec. ad op.: E.V. Tarle. RUSSIA AND THE WEST: FROM THE UNPUBLISHED AND FORGOTTEN / compiled, prepared for publication, introductory article and commentary by B.S. Kaganovich. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2021. 528 p.

Alexander Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus ID: 57193746873

Рецензируемое издание — последний труд скончавшегося в январе 2021 г. петербургского историка, лауреата премии имени Тарле Бориса Соломоновича Кагановича. Замечательный исследователь прославленной Петербургской исторической школы Б.С. Каганович почти все свое творчество посвятил ее выдающемуся представителю. Результат многолетнего историографического труда и систематических архивных и библиографических изысканий — издание уникально публикацией «неканонического» Тарле, не вошедших в собрание сочинений малоизвестных и частично не публиковавшихся работ. Благодаря исключительно вдумчивому отбору составителя читатель получает яркое и целостное впечатление о многообразии творчества Тарле и динамике его научных и общественно-политических взглядов.

Мировоззрение Тарле времени Первой русской революции характеризует очерк 1907 г. о М.А. Бакуanine. Кто-то из классиков заметил: первая фраза текста должна стрелять. Таково

начало очерка: «Немного произвела русская история на свет людей, таких как М.А. Бакунин» (с. 257). Бакунин революционер-пророк, и начавшаяся Русская революция подтверждает его пророчество — таков лейтмотив очерка. Он анархист и к тому же «теоретик и душа всевропейского анархического движения», панславист; но притом «один из самых глубоких и значительных философских пророков всевропейской революции 1848 г.». А в целом «сильный теоретик и неукротимый активный революционер» (с. 257, 259).

Революционная фаза в творчестве, как и в политической деятельности, Тарле завершилась публицистикой 1917 г. После с энтузиазмом принятой Февральской революции он становится ведущим публицистом петроградской газеты плехановского направления «День». Поддерживая Временное правительство Тарле, требует принятия «беспощадных мер» к элементам разложения и дезорганизации, введения смертной казни в армии и экономической диктатуры в тылу.

В качестве образца спасения Родины и Революции Тарле приводит террор якобинской диктатуры: «Гильотина была поставлена, чтобы казнить роялистов», но когда выяснилось, что «контрреволюционны все, грабящие свою родину», начался, согласно Тарле, повальный террор. «Казнили буржуа, крестьян, рабочих, всех, кто противился... таксации [закону о максимуме], казнили за умышленное незасевание земельных участков; казнили за накопление у себя хлебных припасов; казнили за невывоз хлеба на ближайший рынок; казнили за недоставку реквизируемых для армии продуктов» (с. 375).

Тарле уточнял: это должна быть «беспощадная судебная репрессия» (с. 376), сопровождаемая юридическими формами, а главное — отвечающая государственным интересам. Как он выразил эту мысль позднее, входя в образ французского императора: «Ни одной бесцельной жестокости — и совсем беспощадный массовый террор, реки крови, горы трупов, если это политически целесообразно»¹. Так, перед глазами историка возник артефакт тотального государственного террора.

«Вегетарианские» 1920-е годы знаменовали относительно мирный период в жизни и творчестве Тарле, благотворный в обоих отношениях. Он читает лекции в Петроградском/Ленинградском университете, возглавляет ленинградское отделение РАНИОН, где ученые новой формации, так называемые историки-марксисты, сотрудничали с представителями «старой школы», избирается в академики, представляет советскую историческую науку на международных форумах, работает в европейских архивах.

В творческом плане совершается переход от историко-экономической тематики к внешней политике с имплицитным тяготением к тому, что можно назвать «геополитикой», хотя в советской историографии, как замечает Б.С. Каганович, последняя была одиозной из-за ассоциации с внешнеполитической доктриной Третьего Рейха (с. 13). Ученый осмысливает предпосылки и последствия Первой мировой войны, результатом чего становится одно из фундаментальных произведений «Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг.». В рассматриваемом издании помещены несколько статей этого периода, выражающие отчетливо критическое отношение к Версальской системе.

В центре внимания Тарле оказываются исторические судьбы Германии, впечатляет статья 1922 г. под выразительным названием «Три катастрофы: Вестфальский мир, Тильзитский мир,

Версальский мир». Составитель прав: статья корректирует представление о Тарле как «антангофиле», за что его критиковали историки-марксисты и особенно М.Н. Покровский. Вероятно, Тарле был по-настоящему озабочен, что из системы международных отношений в Европе выпадает такая великая держава, как Германия. И явно поучителен для него был пример крутого возвышения и катастрофического крушения имперского государства.

Необходимым дополнением к этому, по определению Б.С. Кагановича, «историко-политическому этюду» может служить экскурс в историко-биографическом «этюде» 1921 г. о крупном немецком историке и притом апологете Германской империи Теодоре Шимане (с. 313—314). Тарле живописует бурный экономический подъем и усиление военной мощи Германии, проявившееся в победоносных войнах 1860—1870-х. Как результат — подобная головокружению эйфория, объявшая широкие круги немецкого общества заодно с интеллектуальной элитой и выразившаяся в убеждении о превосходстве Германии над всеми странами мира, включая «старые» метрополии. На ум приходит «шовинизм», но Тарле 1920-х годов избегал подобных ярлыков. Из описания этой эйфории следует вывод (который Тарле, избегая, видимо, нравоучений, не сделал), что катастрофическое поражение 1918 г. явилось жестоким, но исторически справедливым возмездием за национальное ослепление и великодержавное самообольщение.

Своего рода контрастом к экспансионистской политике правящих кругов Германской империи, утративших чувство реальности, предстает выпуклая и, я бы сказал, вдохновенная характеристика имперской политики Англии (статья «Англия и Турция» 1923 г.). Здесь Тарле находит много общего с Германией 1870—1914 гг. — «культ силы умственной и физической, культ приобретения, использования и владычества». И одновременно «глубочайший, сознательный оппортунизм... прирожденная находчивость и чуткость, прирожденная способность в случае нужды... круто изменить весь курс» (с. 93—94).

«Главный грех перед историей, единственный грех, за который она карает, — это слабость» (с. 377), — формулировал историк еще летом 1917 г. Возведение в категорию исторической детерминанты фактора силы, при том, что применение этого фактора должно быть соразмерным обстоятельствам, становится очень значимым в мировоззренческой эволюции Тарле.

Любопытно, что ученый уже тогда обращал внимание в политике Англии на «отчетливую

¹ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936. С. 69—70.

способность различать слова от дел», на «полнейшее пренебрежение какими-либо сдержками... и умение, в то же время, не бравировать этим пренебрежением» (с. 93). Эти качества становятся для Тарле залогом дипломатического успеха, образцы которого он найдет спустя два десятилетия, обратившись к внешней политике России при Екатерине II.

Еще один архетип, реанимированный в позднейший период творчества, Тарле почерпнул в истории исторической науки (программная статья 1922 г. «Очередная задача»). Исследователь с удивлением заметил оживление в умонастроениях современных ему ученых позиций, свойственных камералистам XVI–XVII вв., «поэтам бюрократии», представителям чиновничества, «только еще выступавшего на историческую арену», аксиомой для которых было, что «интересы абсолютного государя, которому они служат, и интересы народа, которыми управляет этот государь», — «нечто совпадающее» (с. 37).

Соглашусь с Б.С. Кагановичем: убеждение в «огромной роли сильной, выдающейся личности» пребывало в историсофскую «органику» ученого (с. 12), подобно многому, что проявилось в творчестве Тарле после драматических событий 30-х годов. И добавлю, что публикуемые составителем материалы начала 20-х, когда Тарле мог творить достаточно свободно, такую «органику» подтверждают.

Тем не менее значение драматических событий, пережитых Тарле в 30-х годах, для его творчества недооценивать нельзя. Они достаточно обстоятельно описаны биографами историка. Хотелось бы обратить внимание на критику с партийного Олимпа биографии Наполеона, в частности на упрек рецензента «Известий», воззавшего к патриотизму: «С чувством обиды и возмущения читаешь в книге Тарле главу о 1812 году». И категорическое резюме: «Книга Тарле не отвечает на законный интерес читателя к истории... борьбы русского народа за свою национальную независимость»². И хотя эта директивная рецензия (заодно с подобной рецензией в «Правде») была немедленно дезавуирована на протяжении последующего творческого пути Тарле неоднократно сталкивался с «обиженными» национальными чувствами, к которым апеллировали официозные критики.

Есть некий парадокс, что в 1917 г. Тарле самому доводилось вменять в вину тем же большевикам, тогда интернационалистам, недостаток пат-

риотизма. Критиковал он и коалицию социалистических партий Временного правительства за то, что слова Родина и Россия «конфузливо проглатываются», тогда как настоятельно необходимо придать «империалистической», как твердила пораженческая пропаганда, войне с Германией национально-патриотический характер борьбы за «освобождение от врага» занятых рейхсвером территорий Российской империи (с. 373).

Еще раньше Тарле полемизировал с западниками на тему отсталости России. Задачу вписать ее историю во всемирно-историческое время ученый разрешал на мажорной ноте. «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталою страной?» — задавался он вопросом в статье 1910 г. И давал отрицательный ответ, вводя категорию «экстенсивной мощи». Ссылаясь на объемы внешней торговли России, превосходившие внешнеторговый оборот Франции в XVIII в., он доказывал успешность российской экономики и патетически заключал: «Экстенсивная мощь русской империи в конце XVIII столетия является одним из важнейших и грандиознейших феноменов всемирной истории»³.

Если учесть несопоставимость структуры внешнеторгового оборота двух стран — из Франции вывозились промышленные изделия, из России сырье, — показатели внешней торговли последней свидетельствовали именно об экстенсивности народного хозяйства последней. Значение обширной сырьевой базы в структуре российской экономики было в статье приглушено; но спустя десятилетия, в сталинское время тема пространственно-ресурсного потенциала страны, его значение для международного влияния Империи и ее военной мощи получили развитие.

Акцентирование национально-государственных приоритетов, когда понадобилось расширение исторической легитимности постреволюционного режима, обернулось для ученого творческим подъемом, заодно с восхождением к вершинам общенародной славы и государственного почета (три ордена Ленина, три Сталинские премии первой степени). На критику «Наполеона» Тарле ответил циклом военно-патриотических сочинений, начиная с «Нашествия Наполеона на Россию», за которым последовала трилогия о средиземноморских победах русского флота в XVIII в., а также монография о Северной войне.

Б.С. Каганович пишет, что характерный для этого периода творчества ученого «патриотический

² Известия. 10.VI.1937.

³ Тарле Е.В. Сочинения: в 12 томах. М., 1957–1962. Т. IV. 1958. С. 443.

пафос с сильным великодержавным акцентом» соответствовал «идеологическим установкам позднего сталинизма» (с. 14). Восстановленный в статусе академика⁴ и обретший в ту пору широчайшую популярность, Тарле откликнулся на великодержавно-патриотические настроения в советском обществе, в которых укоренялись эти установки. Исходя из отмеченной «органики» могут предположить, что в целом такие настроения соответствовали интенциям ученого, хотя в некоторых случаях, особенно в публичных выступлениях, идеологические установки выглядят инородным телом.

Показательна лекция «Архивы Запада» в Историко-архивном институте в декабре 1939 г., публикуемая Б.С. Кагановичем по стенограмме из Архива РАН. Заметим дату – время резкого усиления в пропаганде антизападной ксенофобии, что и различимо даже в содержательном выступлении перед профессиональной аудиторией.

Тарле по личным впечатлениям, с ностальгическим упоением (ведь с 1930 г. дорога на Запад ему была закрыта) рассказывает об архивных системах чуть ли не в десятке европейских стран, совмещая аналитический подход с голословными утверждениями о полном упадке исторической науки на Западе и печальной судьбе ученых, и в частности архивных работников, столь отличной от жизни в Советском Союзе, где они окружены государственной заботой. Вполне в духе и даже стиле официальной пропаганды о коренном преимуществе советского общественного строя!

Не буду множить образцы аналогичных совпадений, которые налицо в публикуемых текстах. Хочу подчеркнуть, что, оставаясь в рамках официальной идеологии, ученый в своем творчестве искал и находил собственный путь, хотя с теми самыми противоречиями, которые можно назвать «антиномиями».

Выразительна в этом отношении публикация двух лекций Тарле, прочитанных в победоносном мае 1945 г. (думаю, и в данном случае даты важны) и посвященных внешнеполитическим успехам России при Екатерине II. Как установил Б.С. Каганович, публикуемый по стенограмме Архива РАН текст представляет первую главу монографии, над которой ученый работал в 1943–1946 гг. и которая осталась незавершенной. Судя по начальной главе, предполагался историко-биогра-

фический труд вровень с «Наполеоном». Почему же Тарле отказался от продолжения работы?

Составитель упоминает о критике книги Тарле «Крымская война» в редакционной статье «Против объективизма в исторической науке» в журнале «Вопросы истории»: «Была сделана попытка оправдать войны Екатерины II тем соображением, что Россия стремилась якобы к своим естественным границам и что в результате территориальных приобретений Екатерины советский народ в войне с гитлеризмом имел необходимые спасительные плацдармы для обороны» (с. 15).

Второе обвинение действительно делало позицию академика одиозной, поскольку считалось, что спасение принесли героическая борьба советского народа и особо стойкость великого русского народа, мудрое руководство Коммунистической партии и полководческий гений Сталина. В то же время обвинение насчет «естественных границ» цели не достигало, поскольку актуальной оставалась установка на возвращение «исконно русских земель», которое осуществляла советская армия, а раньше русская армия во главе с Суворовым и другими полководцами Екатерины II.

И искушенный в директивных установках Тарле уведомлял читателя будущей книги, дескать, «никому не может и в голову прийти» приравнивать войны СССР к тем, что были в XVIII в. Однако успехи, достигнутые в прошлом, при Петре I и Екатерине II, можно считать «пророчеством об отдаленном, еще более великом будущем, которое суждено русскому народу, когда он получит возможность вполне развить свои силы» (с. 165, 167). В общем академик «пророчествовал» о континуитете русской истории от империи к советскому государству, что режим официально не мог принять, удерживая революционную традицию как источник исходной легитимности.

Не развивая тему коллизии революционно-классовых и государственно-патриотических установок⁵, хочу сосредоточиться на ее личностном аспекте в творчестве выдающегося историка. Недостаточно констатировать расхождение между нормативным акцентированием исторической исключительности советского режима и желанием историка под влиянием общественных настроений, пробужденных Великой Отечественной войной, размышлять о «смутных предчувствиях людей XVIII века» (с. 167). Кроме внешних рамок, вызывают интерес внутренние противоречия в историософии или, может быть, психологии Тарле,

⁴ Избранный в Академию в 1927 г., Тарле был лишен звания в связи с Академическим делом в 1929 г. и восстановлен в звании в 1938 г. Между тем реабилитация последовала лишь посмертно, при оттепели.

⁵ См. Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 120–174.

насколько основание для такого анализа дает часть незавершенной книги.

Выбор Екатерины II был вызовом историографической доминанте, в которой со времен «государственной школы» первое место принадлежало Петру I, а при Сталине Ивану Грозному как подлинно национальному правителю. В национально-патриотической традиции истории страны Екатерина II как бы выпадала. Одиозным делала ее правление «крепостное рабство», которое расширилось и усиливалось, «бесчисленные отрицательные стороны административных и судебных порядков», «разгул произвола, хищений и казнокрадства при дворе и на вершине правительственного аппарата», «личные, очень темные деяния императрицы, лежащие темным пятном на ее историческом имени» (с. 167).

Тарле, для которого XVIII век был эпохой расцвета российской государственности, а правление Екатерины апогеем, отделяется от такой критики, признавая ее справедливость, скороговоркой, чтобы уйти в область внешнеполитических успехов, которые, по мнению самой царицы, а в конечном счете ученого, оправдывали Екатерину. При этом Тарле не удерживается от уничижительных оценок таких корифеев, как С.М. Соловьев или В.О. Ключевский, именно за то, что они не склонны были восторгаться этими успехами.

Самое интересное, однако, и прекрасно характеризующее самого Тарле как исследователя, что он и сам сомневался в убедительности подобной реабилитации. Историк занят апологией внешнеполитических результатов Екатерининского правления, стараясь избежать апологетики личности царицы. При всей двусмысленности такой позиции получалось очень выразительно.

«Дипломатическая инициатива Екатерины часто направлялась к экспансии, а не только к обороне, и закрывать на это глаза значило бы... заменять строгую правду слащавой выдумкой» (с. 165). Достижением советской теории международных отношений он считал отказ от деления войн на оборонительные и наступательные в пользу принципа их справедливости. А можно ли отнести Екатерининскую «экспансию» к «справедливым войнам», Тарле не разглядел; «справедливыми» он объявлял только все войны СССР, осуждая категорически «готтентотскую империалистическую мораль»⁶, возводящую в идеал всякую войну, «лишь бы она окончилась удачным ограблением соседа» (с. 164–165).

Выходит, результаты «экспансии» не всегда могли служить историческим оправданием. А ведь в отношении Екатерины внешнеполитический успех Тарле возводил в высший критерий исторической оценки: «В дипломатии, как и на войне, решающий и безапелляционный суд при их жизни, а часто и после их смерти произносили над историческими деятелями только и исключительно результаты их деятельности» (с. 217).

Верша подобный «безапелляционный суд» над самой продолжительной правительницей России, историк становился поэтом: «Она создала для русского народа такие возможности, так необъятно широко раздвинула пределы Русского государства, с таким упорством, энергией, талантом, негибимой волей помогала и добивалась, чтобы русский народ на вечные времена стал *державным хозяином* огромных территорий и материальных богатств, что ни одна страна в XVIII в. не становилась предметом такой зависти, как Россия, и ни одна страна вместе с тем не получила таких колоссальных плацдармов для организации длительной самообороны (курсив мой. — А.Г.)» (с. 216).

К любимой идее «плацдармов» Тарле добавляет обращение к официальной идеологии «собирателей Русской земли», к ряду которых он причисляет Екатерину. Обращение начинается с упоминания Грозного, в отношении коего внешнеполитические успехи позволили-де пересмотреть неблагоприятное реноме в историографии и исторической памяти, и завершается потеснением Петра I: когда Екатерина «вступала на престол, она застала страну, даже учитывая завоевания Петра, все же более похожую... на бывшее царство XVII в., чем на великую русскую державу» (с. 217).

Для реабилитации царицы был призван и классовый подход в вольной обработке. Екатерина, по Тарле, принципиально была против крепостничества и негодовала по поводу близорукости помещиков, не желавших смягчить крепостной гнет; но видела, что дворяне могущественнее тех, над кем они господствовали. «Ей было вполне очевидно, что крестьяне, оказавшиеся не в силах» обеспечить победу «своему» Пугачеву, которого они считали «законным царем и освободителем», тем более окажутся неспособными «помочь ей, если бы она вздумала» встать на их сторону против дворян. Она бы, по Тарле, могла и самого Пугачева поддержать, если бы тот оказался посильнее (с. 194–195).

То, что начиненная идеями Просвещения царица высказывалась против «крепостного рабства», — чистая правда. А вот предположение, что у нее были колебания, не пойти ли навстречу

⁶ «Готтентотская мораль» здесь эвфемизм «цель оправдывает средства».

требованиям восставших, и разрешил эти сомнения фактор силы, выглядит необедительным. Соглашусь с другим объяснением позиции Екатерины: именно дворяне в лице гвардейских офицеров были движущей силой, возводившей на русский престол одну правительницу за другой вплоть до ее собственного воцарения. Вот этот, по формулировке Тарле, «эгоистический расчет» увековечил правление ее в качестве «дворянской царицы», поддержавшей «основы крепостничества» и раздававшей целые поселения своим фаворитам и знати (там же).

Тарле нелестно высказывается о моральных принципах своей героини: «лицемерное милосердие», притом «милосердие» в кавычках (с. 199); «считала себя почему-то [!] добрейшей женщиной на свете» (с. 184) и «злбно» преследовала тех, кого считала своими врагами. «Абсолютное отсутствие чего-то бы ни было похожего хотя бы отдаленно на укоры совести» (с. 191); «властолюбивая хищница» (с. 189); искусная интриганка, овладевшая искусством интриги в 16 лет при дворе Елизаветы Петровны и сделавшая эту искусственность основой своего дипломатического искусства.

Все это отходит на второй план, становится как бы несущественным в глазах Тарле в контексте внешнеполитических свершений Екатерины. Но зачем ученый ссылается на многочисленные дифирамбы, цитирует страницу за страницей комплименты, порой сомнительного достоинства, вроде «Богоматери из Петербурга», от Вольтера, хорошо зная полученные тем вознаграждения? Не потому ли, что классик Просвещения, признанный корифей его нравственных принципов должен был своим авторитетом реабилитировать царицу перед европейским общественным мнением, а значит и перед лицом истории?

Людмила Борисовна Вольфцун, помогавшая мужу в работе над книгой, рассказывает, что Б.С. Каганович колебался с включением текста в рецензируемое издание из-за его идеологизированности («апогей тарлевского великодержавия»). К счастью, колебания были отвергнуты и, будучи добросовестным историографом, Б.С. Каганович решил, что содержащаяся в тексте «яркая характеристика Екатерины II как человека и государственного деятеля, при всей ее спорности, должна быть доступна современному читателю» (с. 15).

Думается, в стремлении возвысить царицу в нормативной традиции Тарле продолжал доведенную полемику с представлениями о нравственности исторических деятелей, начавшуюся в советской научной периодике вокруг биографий Наполеона и особенно Талейрана. Б.С. Каганович приводит пример такой полемики, публикуя пере-

печатку статьи академика в «Литературной газете» 30 сентября 1939 г. Примечательно, что гвоздем в полемике двух советских ученых (оппонентом Тарле выступал англовед И.С. Звавич) стала фраза из русской литературной классики: «Мерзавец, но на правильной стезе стоит». Звавич, заодно с Салтыковым-Щедриним, сомневается, «чтоб мерзавец стоял на правильной стезе», критикуя мнение Тарле об «объективной прогрессивности» Талейрана (с. 472–473).

«Что Талейран был вором, взяточником, гнусной в моральном смысле личностью», Тарле отнюдь не отрицает. Но он «служил буржуазии, ее борьбе против феодализма и аристократии» и «постольку играл прогрессивную роль». Это «непре-рекаемый факт», — утверждает академик для внявшей убедительности, подчеркивая сказанное. «И никакие добродетельные восклицания ничего тут не изменят. Что делать! В истории сплошь да рядом так случалось», — как бы с сожалением добавляет он. И поскольку у Звавича (с Салтыковым-Щедриним) было очевидно немало сторонников, Тарле заканчивал свою сентенцию убойной цитатой Маркса, что «без насилия и железной решимости ничто в истории не делается» (с. 345).

Мне представляется, что противоречивость исторических оценок обусловлена не только стремлением к сбалансированному, без апологетики и критиканства анализу, но и совмещением двух сторон творческого амплуа Тарле времен сталинщины. Любопытна ассоциация позднего Тарле с Трейчке, возникшая у современного немецкого историка⁷. Объект для сравнения, на мой взгляд, выбран крайне неудачно: Трейчке при научных достоинствах, отмеченных Тарле, был прежде всего политиком и идеологом, причем идеологом чисто националистического толка («национал-националистом», по одному из определений). Однако признаюсь, что имперское направление в творчестве советского академика допускает ассоциации с историками Германской империи. Не случайно тот относился к их творческим судьбам с пристальным интересом, что подтверждает и издание Б.С. Кагановича статьями о Карле Лампехте (с. 329–332) и Теодоре Шимане (с. 299–321).

Статьи эти, как это не покажется странным, написаны с известной симпатией и некоторым сочувствием. Симпатии рождены личными впечатлениями, а сочувствие, предположу, влиянием катаклизмов на родине, пережитых самим Тарле.

⁷ «Трейчке сталинизма» (цит. по: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 277).

Гениально, не удержусь, прорисованы в творчестве этих выдающихся ученых исторические судьбы отечества — вдохновивший их научные исследования энтузиазм и внутренний скепсис, сопровождавшие взлет и падение Германской империи. Исключительно глубок в этом отношении анализ сочинений Шимана, где Тарле находит некое проричание судеб не только Германской, но и Российской империи. Ученый — выходец из остзейского дворянства — при чуждости России и ее народу уважительно относился к ее государственности и правителям империи. Свой главный многотомный труд он посвятил Николаю I.

Оценки немецкого историка, в которых при явной симпатии выступает объективное и критическое отношение к различным сторонам личности и итогам деятельности царя, очевидно, близки Тарле. Обращает он внимание на то, что в пору, когда Россия выступала самым могущественным государством в Европе, Шиман нащупал уязвимые стороны Империи, которые предвещали ее падение. Тарлевский анализ эволюции взглядов немецкого ученого на Россию поражает афористичностью: «Сначала... уважал и не любил, с Японской войны изучал и не уважал, с 1912 г. изучал, не уважал и ненавидел!» (с. 314–315).

Труд Шимана в историографии России недооценили. Характерно мнение профессора русской истории С.Н. Валка в энциклопедическом издании «Гранат»: «Капитальная история царствования Николая I, в которой придворные отношения и внешняя политика превалируют над всем остальным». Шиман, по Тарле, действительно, ограничивается дворцово-парадной стороной царствования; но в этом и была ценность его труда, поскольку раскрытую с большой жизненной достоверностью среду, в которой жил Николай, тот «принимал за действительную Россию», и подобная близорукость имела фатальные последствия (с. 309).

То, что Тарле был мастером исторического портрета, и текст о Екатерине II подтверждает — широко известно и в обществе, и в профессиональной среде. А.З. Манфред, будучи не менее знаменитым в этом жанре, восторгался «Наполеоном», и такое преклонение долго удерживало его от сильнейшего желания выступить биографом императора. Я.М. Захер приводил мне в пример мастерства психологической характеристики революционных деятелей «Жерминаль и прериль».

Благодаря изданию Б.С. Кагановича очевидным становится признание Тарле мастером историографического портрета и выдающимся историографом. Замечательную эрудицию и глубокое

историографическое чутье демонстрируют публикуемые по фондам ЦГА СПб стенограммы выступлений академика на диссертационных защитах предвоенного времени (с. 381–413). Сдержанно, но твердо Тарле высказывал свою принципиальную позицию историка, который рьяно боролся с социологизированием в духе «школы Покровского». Доброжелательно и тактично он пояснял молодым докторантам, что негоже выводить научные и художественные взгляды из социально-экономических определений эпохи или классового происхождения личности, что историки, о которых они пишут, должны предстать как «научные индивидуальности» (с. 399), наконец, что, невзирая на одиозное, в глазах советских марксистов, происхождение, тот или иной «буржуазный» ученый мог внести ценный вклад в историческую науку.

Тарле выступал в этой критике отнюдь не противником обобщений. Напротив, он презирал восторжествовавшую в советской историографии после разгрома «школы Покровского» фактографию, которая превращала историка в рассказчика, а читателя погружала в то, что академик деликатно назвал «излишней роскошью подробностей» (с. 394).

Против крайностей концептуализации, не подкрепленной достаточной фактологической базой, с одной стороны, и недостатка концептуализации, превращающего историческое сочинение в «хаос фактов» — с другой, Тарле сформулировал замечательный постулат о диалектическом единстве двух сторон исторического исследования: «Чем могущественнее, чем *подлиннее* — обобщающая мысль, тем больше она нуждается в эрудитах и эрудиции» (с. 36).

Б.С. Каганович называет программную статью 1922 г., где, наряду с другими проницательными наблюдениями об истории исторической науки, содержался этот постулат, «наиболее аутентичным и глубоким выражением исторического мировоззрения» Тарле (с. 460). Действительно, работы начала 20-х годов привлекают «аутентичностью». Вместе с тем, развивая мысль Б.С. Кагановича, не могу не поставить принципиальный вопрос. Судя по отзывам современников (см. биографический очерк Е.Л. Ланна в настоящем издании), эрудиция не подводила Тарле до конца, и параллельно различные тексты издания заставляют усомниться в исторической «подлинности» его обобщений позднесталинского времени, в их аутентичности мысли автора. Взывая к «перманентной истине» (с. 359), к которой должен стремиться историк, академик, увы, мог порой выдавать за нее очередные партийные установки.

Когда рассуждения о «буржуазной прогрессивности» стали подозрительными, академик, защищавший «объективную» прогрессивность Талейрана, сместил акцент, и тот оказался кстати для разоблачения «буржуазной дипломатии» и человеконенавистнической морали буржуазного общества, где «человек человеку — волк»⁸. Как широчайшая эрудиция делалась инструментом пропаганды, напоминает дружеский комплимент С.Я. Маршака: «Не только тем нам дорог Тарле, / Что знает он о каждом Карле, / Что понял им Наполеон. / Нет показал его анализ, / Как из Фунсе развился Даллес, / Из Талейрана — Ачесон».

Библиография

Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

⁸*Тарле Е.В.* Талейран. Из мемуаров Талейрана / сост. и авт. предисловия В.А. Дунаевский. М., 1993. С. 23–24 (с издания 1948 г.).

Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.

Тарле Е.В. Сочинения: в 12 томах. М., 1957–1962. Т. IV. 1958.

Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936.

Тарле Е.В. Талейран. Из мемуаров Талейрана / сост. и авт. предисловия В.А. Дунаевский. М., 1993.

References

Gordon A. V. Velikaja francuskaja revolucija v sovetskoj istoriografii [The Great French Revolution in the Soviet historiography]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Evgenij Viktorovich Tarle. Istorik i vremena [Evgenij Viktorovich Tarle. Historian and Times]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

Tarle E.V. Essays: in 12 volumes. Moskva, 1957–1962. T. 4. 1958. (in Russ.)

Tarle E.V. Napoleon [Napoléon]. Moskva, 1959. (In Russ.)

Tarle E.V. Taleyran. Iz memuarov Taleirana / sost. i avt. predislovia V.A. Dunaevskij [Talleyrand. From the memoirs of Talleyrand / comp. and the author preface by V.A. Dunaevskij]. Moskva, 1993. (In Russ.).

DOI: 10.31857/S013038640018293-0

© 2022 г. **В.К. Белозёров**

ИСКУССТВО ПЕРЕГОВОРОВ И РЕШЕНИЕ БЕРЛИНСКОГО ВОПРОСА

Рец. на книгу: Р.В. Долгилевич. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ЧЕТЫРЕХСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЛИНУ (26 марта 1970 г. — 3 сентября 1971 г.) / предисл. и публ. Р.В. Долгилевич. СПб.: Алетейя, 2021. 314 с.

Белозёров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета; ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Москва, Россия).

E-mail: vk_belozеров@mail.ru

Scopus ID: 57214752644; SPIN-код: 6702-2440; Author ID: 493768

V.K. Belozerov

THE ART OF NEGOTIATION AND RESOLUTION OF THE BERLIN QUESTION

Rec. ad op.: R.V. Dolgilevich. SOVIET DIPLOMACY ON THE QUADRILATERAL NEGOTIATIONS ON WEST BERLIN (March 26, 1970 — September 3, 1971) / preface. and publ. R.V. Dolgilevich. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2021. 314 p.

Vasily Belozerov, Moscow State Linguistic University; Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod (Moscow, Russia).

E-mail: vk_belozеров@mail.ru

Scopus ID: 57214752644; SPIN-код: 6702-2440; Author ID: 493768